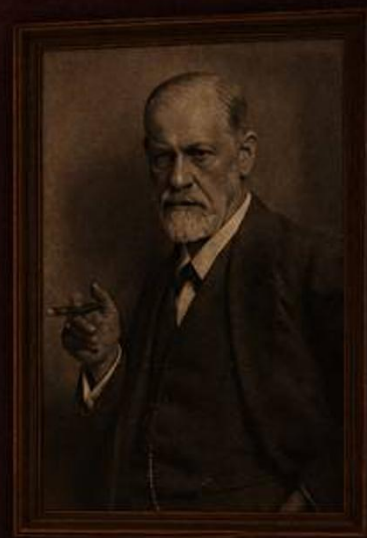

Зигмунд Фрейд

Очерк психоанализа

(1940)

перевод Виктора Николаева

Зигмунд Фрейд

**Фрейд З. Очерк
психоанализа (1940)**

«Автор»

2026

Фрейд З.

Фрейд З. Очерк психоанализа (1940) / З. Фрейд — «Автор», 2026

«Очерк психоанализа» — итоговая и незавершённая работа Зигмунда Фрейда, начатая в 1938 году и опубликованная посмертно. В ней Фрейд с предельной сжатостью возвращается к главным основаниям психоанализа: строению психического аппарата, отношениям между сферами Оно, Я и Сверх-Я, природе влечений, инфантильной сексуальности, Бессознательному, сновидению и психоаналитической технике. Текст важен не только как позднее изложение классической теории, но и как переходный документ. В нём трагическая метапсихология Фрейда уже соприкасается с будущим направлением эго-психологии, где на первый план выходит работа Я, защитные механизмы, адаптация и психическое развитие. Послесловие переводчика предлагает прочтение «Очерка» как текста-порога между эпохой Фрейда-основателя и последующим развитием психоанализа. Выдвигается гипотеза о возможном авторстве дочери - Анны Фрейд.

© Фрейд З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	6
Сведения о тексте	7
Первая часть. Природа Психического	8
Первая глава. Психический аппарат	8
Вторая глава. Учение о влечениях	10
Третья глава. Развитие сексуальной функции	12
Четвёртая глава. Психические качества	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Зигмунд Фрейд

Фрейд З. Очерк психоанализа (1940)

Зигмунд Фрейд

Очерк психоанализа

(1940)

(перевод Виктора Николаева)

Аннотация

В конце своей жизни, уже обладая мудростью опытного учёного и с суверенностью пионера новой науки, Фрейд сжато, элементарно излагает учение, олицетворяющее собой целую эпоху.

Над очерком Фрейд начал работать в июле 1938 года, работа так и осталась незаконченной. Очерк обрывается на III-ей части, причём неизвестно, в каком направлении и как далеко собирался зайти Фрейд.

Сведения о тексте

Источник: Freud. Abriss der Psychoanalyse / GW XVII, 63-138

Первая часть. Природа Психического

Первая глава. Психический аппарат

В психоанализе исходят из фундаментальной предпосылки, опирающейся на философский подход, а её достоверность определяется получаемыми нами результатами. В том, что мы называем нашей психикой (душевной жизнью), нам достоверно известны два факта:

Физический орган и арена психической жизни, что мы называем мозг (нервная система) и

Наши осознанные акты, даваемые нам непосредственно, вряд ли какое описание может их приблизить к нам.

А всё находящееся за пределами этих фактов нам неизвестно, к тому же какой-либо прямой взаимосвязи между двумя полюсами нашего знания не существует. Да если бы таковая и существовала, то самое большее, что она бы дала, так это точную локализацию процессов сознания в мозге, никак не углубляя наше познание.

Обе наши гипотезы связаны с представленными полюсами (началами) нашего знания. Первая из гипотез соответствует локализации. Мы считаем, что психическая деятельность является функцией особого аппарата, которому мы приписываем определённую пространственную структуру и состоит он из нескольких частей, чем-то напоминая телескоп, микроскоп и тому подобное. Теоретическое конструирование подобного рода представлений оказывается новизной в науке.

Представление о психическом аппарате было получено в результате исследований индивидуального развития человека. Наиболее архаичную из психических провинций (инстанций) мы называем сферой *Оно*; содержанием её является всё, что нами унаследовано, присутствует с самого рождения и напроць укоренено в нашей конституции. А это, прежде всего влечения, берущие своё происхождение в теле и находящие тут для себя проявления в неизвестных для нас формах¹.

Под воздействием окружающего нас реального внешнего мира одна из частей Оно начинает специфически преобразовываться. Новая психическая сфера, первоначально известная своей близостью к внешнему миру и предназначенная для восприятия раздражителей, в том числе и для защиты от их чрезмерного проникновения, со временем образует специфическую структуру, посредничающую между Оно и внешним миром. Эта область нашей психической жизни получила название *сфера Я*.

Главные характеристики Я. Вследствие изначально существующих взаимоотношений между восприятием посредством органов чувств и движением мышц сфера Я способна властвовать над произвольными движениями. Задачей Я является самоутверждение и реализует оно её, познавая раздражители, поступающие извне, накапливая приобретаемый опыт (память), избегая чрезмерных раздражителей (посредством бегства), идя навстречу умеренным по силе раздражителям (адаптация) и наконец, ради своих целей научаясь изменять внешний мир целесообразным способом (активность). А внутри самой психики сфера Я стремится добиться господства над притязаниями влечений, отвечая за то, будут ли они допускаться к удовлетворению непосредственно, или смещаться до подходящего времени и места, делая это посредством учёта открывающихся возможностей во внешнем мире, а то так и полностью подавляться. В своей деятельности Я руководствуется существующей в нём (или в него входящей) напряжённостью влечений. В принципе повышение такой напряжённости можно назвать *отвращением*

¹ Эта древнейшая часть психического аппарата так и остаётся на всю жизнь самой важной. Именно над сферой Оно проводятся психоаналитические исследования.

(отсутствием наслаждения), а её снижение ощущается в качестве *наслаждения*. Но скорее всего ощущения наслаждения и отвращения определяются не абсолютной величиной напряжённости раздражителей, а чем-то, связанным с ритмом изменений напряжённости. Сфера Я стремится к наслаждениям и избегает отвращения. На предвидимое, ожидаемое повышение отвращения Я отвечает *сигналом в форме переживания тревоги*, а провоцирующий её фактор является *опасностью*, независимо от того, где находится его источник – вовне или внутри. Время от времени Я обрывает связи с внешним миром и уединяется в состояние сна, существенно меняя свою структуру. Сновидческая организация сферы Я приводит к специфическому распределению психической энергии.

В результате длительного периода детства, когда подрастающий человек находится в зависимости от своих родителей, в сфере Я формируется особая инстанция, которая продолжает оказывать воздействия, схожие с их влиянием. Она получила название *Сверх-Я*. Поскольку Сверх-Я обособилось от Я и противопоставляет себя ему, эта инстанция является третьей властью, с которой Я вынуждено считаться.

Действия Я будут корректными тогда, когда они будут одновременно удовлетворять требованиям Оно, Сверх-Я и внешней реальности, то есть примирять друг с другом их притязания. Тонкости взаимоотношений между Я и Сверх-Я хорошо объясняются стилем взаимоотношений ребёнка со своими родителями. Естественно, что в воздействии родителей сказывается не только их индивидуальность, но и продолжающееся через них влияние традиций семьи, расы, народа, а также разделяемые ими нормы и требования соответствующей социальной среды. А в ходе индивидуального развития Сверх-Я дополнительно вбирает в себя воздействие со стороны персон, продолжающих и замещающих родителей, например, воспитателей, «звёзд», идеалов, превозносимых обществом. Можно заметить, что при всём своём фундаментальном различии сферы Оно и Сверх-Я имеют ту схожесть, что они репрезентируют воздействие прошлого: Оно – биологически унаследованного, а Сверх-Я – позаимствованного от значимых людей, в то время как Я определяется, главным образом, тем, что пережито самим индивидом, то есть случайным и актуальным.

Эту общую схему психического аппарата можно приложить к высшим видам животных, психически схожим с людьми. Следует допустить существование Сверх-Я везде там, где, как и у людей, обнаруживается период длительной детской зависимости. А ещё нам никак не обойтись без дифференциации Я и Оно.

Правда, пока психология животных не приступила к разрешению затронутых здесь задач.

Вторая глава. Учение о влечениях

Власть Оно выражает истинные жизненные намерения индивидуума. И заключаются они в удовлетворении потребностей. А вот намерение уцелеть в жизни и защититься от опасностей посредством переживания тревоги, невозможно приписать Оно. Это задача, предназначенная для сферы Я, которая способна находить наиболее благоприятный и наиболее безопасный способ удовлетворения, учитывая ситуацию, складывающуюся во внешнем мире. Сверх-Я может помочь сформировать новые потребности, но главная его задача остаётся прежней – ограничение удовлетворения.

Силы, существование которых мы вынуждены допустить, учитывая напряжённость потребностей Оно, мы называем *влечениями*. Они репрезентируют требования к психической жизни со стороны тела. Несмотря на то, что это исходная причина любой активности, влечения отличаются консервативной природой. От любого состояния, достигнутого каким-либо существом, как только оно было нарушено, исходит стремление вновь себя восстанавливать. Как видите, можно допустить существование неопределённо большого числа влечений, что обычно и делают. Для нас же более важно выявить возможность сведения всех разнообразных влечений к нескольким основным. Мы обнаружили, что влечения могут изменить свою цель (посредством смещения) и замещать друг друга, когда энергия одного влечения переходит к другому. Правда, последний процесс ещё недостаточно понятен. После долгих колебаний и размышлений мы решили допустить существование всего-навсего двух основных влечений, *Эроса* и *влечения к деструкции*. (А прежняя классификация, подчёркивающая противоположность влечений самосохранения и сохранения рода, а также Я-любви и любви к объекту, проходит внутри Эроса) Целью первого является формирование всё больших структур и сохранение их в таком виде, то есть соединение, связывание, а цель другого – противоположна – устранение взаимосвязей, то есть разрушение вещей. Мы можем допустить, что конечной целью влечения к деструкции является перевод в неорганическое состояние того, что живёт. Поэтому это влечение мы ещё называем *влечением к смерти*. Если мы учтём то, что жизнь позднее превращается во что-то безжизненное, из чего она, собственно, и возникла, то тогда влечение к смерти хорошо вписывается в упоминавшуюся формулу, по которой влечение стремится вернуть организм к прежнему состоянию. Правда, доказать для Эроса (или влечения к жизни) это не так легко. Можно допустить, что когда-то раньше живая субстанция была единой, потом была расщеплена и теперь стремится заново объединиться².

В биологических функциях оба основных влечения действуют или друг против друга, или объединяются друг с другом. Так, например, поедание пищи сопровождается разрушением объекта с конечной целью его присоединения, а сексуальный акт – агрессией с намерением добиться самого тесного объединения. Такие содействующие и противодействующие влияния друг на друга обоих основных влечений приводят к огромной пестроте жизненных явлений. Оба наших основных влечения, берущих истоки в области биологии, схожи с господствующей в неорганическом мире противоположностью: притяжением и отталкиванием³.

Метаморфозы, приводящие к изменениям в соотношении влечений, имеют самые большие последствия. Так увеличение сексуальной агрессии превращает любовника в сладострастного убийцу, а сильное снижение агрессивного фактора делает любовника робким или импотентом.

² О чём-то похожем фантазировали поэты, но в истории живой субстанции мы не обнаруживаем каких-либо доказательств.

³ Основные силы или влечения, принятию которых пока по разным причинам сопротивляются психоаналитики, были известны ещё философу *Эмпедоклу* из *Акраганта* (Сицилия).

И речи не может быть о том, чтобы проявления какого-либо из основных влечений ограничить одной психической областью. Влечения представлены повсюду. Мы следующим образом представляем начальное состояние: общая энергия Эроса, которую мы отныне будем называть *либидо*, пока существует в недифференцированном Я-Оно и служит для того, чтобы нейтрализовать существующие деструктивные склонности. (Для названия энергии деструктивного влечения мы пока не подыскивали подходящего термина, как в случае либидо) А далее нам довольно легко проследить судьбы либидо, и гораздо труднее это удаётся сделать с влечением к деструкции.

Поскольку влечение к смерти царит внутри души, оно пребывает в безмолвии, его мы обнаруживаем лишь тогда, когда оно обращается вовне в качестве деструктивного влечения. По-видимому, существование последнего оказывается необходимым для выживания индивидуума. В качестве специфического инструмента влечение к смерти использует мышечную систему. С появлением Сверх-Я существенный заряд агрессивного влечения фиксируется внутри Я, проявляя там свою разрушительную силу. Это одна из гигиенических опасностей, с которой человек встречается на пути культурного развития. Сдерживание агрессии вообще не является показателем здоровья, сдерживание приводит к болезни. Переход от сдерживаемой агрессии к саморазрушению посредством обращения агрессии на свою собственную персону часто обнаруживается тогда, когда люди испытывают приступ ярости, рвут на себе волосы, колошматят кулаками по своему лицу, причём совершенно очевидно, что такое обращение скорее предназначалось другому лицу. И в любых обстоятельствах часть саморазрушающей силы остаётся внутри души, пока ей не удастся убить индивидуума, скорее всего тогда, когда исчерпаются запасы его либидо или оно будет фиксироваться без всякой пользы. Так что в принципе можно считать, что индивидуум умирает от своих внутренних конфликтов, а биологический вид – из-за безуспешной борьбы с внешним миром, когда вид изменился настолько, что биологическому роду не удаётся адаптироваться к окружающей среде.

Довольно трудно сказать что-либо о поведении либидо в Оно и Сверх-Я. Всё, что мы знаем о либидо, относится к Я, в котором весь имеющийся заряд либидо накапливается вначале. Это состояние мы называем абсолютным первичным нарцизмом. Оно сохраняется до тех пор, пока нарцизное либидо не начнёт замещаться посредством *объект-либидо*. Но всю жизнь в Я так и останется пребывать огромный энергетический резервуар, из которого либидозно оккупируются объекты и куда либидо опять возвращается, чем-то напоминая поведение амёбы по отношению к своим ложноножкам. И только в состоянии полной влюблённости чуть ли не весь заряд либидо переносится на один-единственный объект, в определённом смысле объект занимает место Я. Важным для жизни качеством является *подвижность* либидо, лёгкость, с которой либидо переходит с одного объекта на другой. И совершенно наоборот происходит при *фиксации* либидо на определённом объекте, причём часто на всю жизнь.

Невозможно отрицать то, что либидо имеет соматический источник, что оно с разных органов и участков тела устремляется к Я. Наиболее ясно это заметно по отношению к той доле либидо, которая в соответствии со своей целью называется сексуальным возбуждением. Наиболее значимые части тела, из которых исходит либидо, принято называть *эрогенными зонами*, хотя на самом деле всё тело представляет собой единую эрогенную зону. Самая большая информация об Эросе, точнее, о его представленности в форме либидо, получена в результате изучения сексуальной функции, которая на традиционном языке (но не в нашей теории) приравнивается Эросу. Нам удалось воссоздать картину того, как сексуальное стремление, предопределённое для того, чтобы решающим образом повлиять на нашу жизнь, постепенно развивается из последовательных воздействий нескольких частичных влечений, представляющих определённые эрогенные зоны.

Третья глава. Развитие сексуальной функции

Традиционно человеческую сексуальность обычно рассматривают как стремление персон противоположного пола добиться генитального контакта. Поцелуи, разглядывание и поглаживание тела партнёра выступают при этом как сопровождающие явления, как прелюдия. Это стремление обычно появляется в пубертатный период, то есть при наступлении половой зрелости, и служит для продолжения рода. Конечно, мы не можем игнорировать факты, которые никак не соответствуют узким рамкам такого подхода:

Существуют персоны, которых притягивают только индивиды своего пола и их гениталии

Существуют персоны, страстные желания которых напоминают сексуальные, но при этом гениталии оказываются вообще не задействованными, во всяком случае, в обычном смысле; такое бывает при перверзиях

И наконец, из-за этого у некоторых персон довольно рано пробуждается интерес к гениталиям детей и к их возбуждению.

Понятно, что психоанализ вызвал всеобщее недовольство и сопротивление, когда (частично опираясь на три приведённых факта) он стал опровергать бытовавшие ранее популярные взгляды на сексуальность. Главными результатами, к которым пришёл психоанализ, являются следующие:

а) Сексуальная жизнь начинается не с пубертатного периода, а вскоре после рождения, причём с довольно отчётливыми признаками.

б) Необходимо чётко различать понятия «сексуальный» и «генитальный». Первое является более широким понятием и охватывает много видов активности, которые ничего общего с гениталиями не имеют.

в) Сексуальная жизнь охватывает функцию получения наслаждения из телесных зон, которые лишь впоследствии ставятся на службу продолжения рода. Обе функции частенько совпадают не полностью.

Естественно, что основной интерес связан с первым утверждением, который оказывается наиболее неожиданным. Оказалось, что в раннем детстве обнаруживаются признаки телесной активности, которую только из-за прежних предрассудков бояться назвать сексуальной; эта деятельность связана с психическими феноменами, с которыми мы позднее встречаемся в любовной жизни взрослых людей, например, фиксация на определённом объекте, ревность и т. д. А кроме того обнаружилось, что обнаруживающиеся в раннем детстве феномены следует рассматривать в качестве совершенно закономерного прогрессивного развития; примерно в конце пятого года жизни они достигают кульминационной точки, за которой следует спокойная фаза. Развитие приостанавливается, что-то исчезает, а что-то отступает назад. После завершения так называемого латентного периода и начала пубертатного периода сексуальная жизнь продолжает формироваться далее, мы даже можем сказать, что она вновь расцветает. Мы встречаемся с фактом *двухступенчатого формирования* сексуальной жизни, который обнаруживается только у людей и, по-видимому, очень важен для становления человека⁴. Большие последствия имеет то, что события раннего этапа развития сексуальности подлежат полной *инфантильной амнезии*. Наши взгляды на этиологию неврозов и наша техника аналитической терапии опираются на эту идею. Исследования процессов развития в детстве позволили получить доказательства и для других гипотез.

⁴ Существует гипотеза, что человек происходит от особого вида млекопитающих, которые в половом отношении созревали в пять лет. Какое-то сильное внешнее воздействие, затронувшее весь вид, нарушило прежнее прямолинейное развитие сексуальности. С этим могут быть связаны особые метаморфозы в сексуальной жизни людей по сравнению с животными, например, исчезновение периодичности либидо и особая роль менструации во взаимоотношениях полов.

Первым органом, выступающим в роли эрогенной зоны и заявляющим о своих либидозных притязаниях, с самого рождения является рот. Психическая активность вначале ориентирована на то, чтобы удовлетворить потребность оральной зоны. Естественно, что в первую очередь это служит самосохранению посредством питания, только не стоит путать физиологию с психологией. Довольно рано у младенца при неизбежно появляющемся сосании обнаруживается особая потребность, которая, несмотря на то, что порождена приёмом пищи и ею провоцируется, тем не менее, совершенно независимо от питания стремится получить наслаждение, а потому может и должна быть названа *сексуальной*.

Уже во время оральной фазы вместе с появлением зубов изолированно проявляются садистические импульсы. И ещё в большем объёме эти импульсы обнаруживаются во второй фазе, которую мы называем садистически-анальной, так как здесь удовлетворения пытаются отыскать посредством агрессии и функции экскреции. Право рассматривать агрессивные функции вместе с либидо мы обосновываем существованием садизма, являющегося смешением влечений: либидозного и деструктивного, смешиванием, которого с этих пор невозможно избежать⁵.

Третьей является так называемая фаллическая фаза, которая совершенно схожа с конечным формированием сексуальной жизни (будучи ближайшим её предшественником). Обращает на себя внимание то, что здесь играют роль не гениталии обоих полов, а только мужской орган (фаллос). Долгое время существование женских половых органов остаётся неизвестным для детей, в своих попытках понять сексуальные процессы ребёнок вынужден обратиться к честолюбивой теории клоаки, которая генетически имеет право на существование⁶.

В фаллической фазе детская сексуальность достигает своего пика и приближается к закату. С этого момента у мальчиков и девочек разные судьбы. И те, и другие в своей интеллектуальной деятельности исследовали сексуальность, исходя из предпосылки универсальности пениса для обоих полов. Однако теперь пути полов расходятся. Мальчик вступает в Эдипову фазу, начинает прикасаться руками к пенису с одновременным фантазированием о какой-либо сексуальной активности в отношениях с матерью, фантазирование, в котором задействован пенис, пока в результате совпадения угрозы кастрации и обнаружения отсутствия пениса у женщин мальчик не переживёт величайшую травму всей своей жизни, приводящую к латентному периоду со всеми его последствиями. А девочка после напрасных попыток оказаться равной мальчику начинает признавать отсутствие у себя пениса (или лучше сказать, неполноценность своего клитора) с серьёзными последствиями для формирующегося характера; из-за первых разочарований, связанных с неудачным соперничеством, часто возникает первое отвращение к сексуальной жизни вообще.

Было бы неправильным думать, что все три фазы последовательно сменяют друг друга. На самом деле одна может перекрывать другую или же они существуют одновременно. На ранних фазах развития отдельные частичные влечения независимо друг от друга стремятся к получению наслаждения, а в фаллической фазе начинает происходить субординация, все стремления подчиняются диктату гениталий, что означает интеграцию всех стремлений к наслаждению в единую сексуальную функцию. Хотя полная интеграция достигается только в пубертатный период, в четвёртой, генитальной фазе. Тогда образуется состояние, в котором продолжают сохраняться некоторые прежние либидозные оккупации

⁵ Возникает вопрос, может ли удовлетворение чисто деструктивных побуждений ощущаться как наслаждение, бывает ли деструкция в чистом виде без либидозного дополнения. Удовлетворение пребывающего в сфере Я влечения к смерти, по видимому, не может сопровождаться ощущением наслаждения, хотя мазохизм является смешиванием, совершенно аналогичным садизму.

⁶ Частенько утверждают о существовании у детей вагинального возбуждения, но речь тут, скорее всего, идёт о возбуждении клитора, то есть органа, схожего с пенисом, но и это не может послужить основанием для того, чтобы изменить название фаллической фазы.

другие принимаются в сексуальную функцию в качестве подготовительных, поддерживающих актов, составляющих так называемую прелюдию

а некоторые стремления при интеграции полностью игнорируются или вообще подавляются (вытесняются), а возможно Я находит им другое применение, формируя черты характера, сублимируя, смещая прежнюю цель.

И далеко не всегда этот процесс протекает безупречно. Задержки в сексуальном развитии проявляются в разнообразных расстройствах сексуальной жизни. Тогда отмечаются фиксации либидо на состояниях прежних фаз, а сами стремления, переставшие связываться с нормальной сексуальной целью, называются *перверзиями*. Одной из задержек в сексуальном развитии является, например гомосексуальность, в том случае, если она стала манифестной. Аналитическое лечение показывает, что тут во всех случаях обнаруживается сильная привязанность к однополему объекту, причём в большинстве случаев она сохраняется в *латентной* форме. Закономерности осложняются тем, что требующиеся для нормального исхода процессы, как правило, осуществляются лишь *частично*, так что окончательная сексуальная конституция будет зависеть от *количественных* соотношений. Хотя генитальная организация в таких случаях достигается, она ослаблена из-за той доли либидо, которая осталась быть фиксированной на догенитальных объектах и целях. Такой недостаток способствует тому, что либидо (в случае генитальной неудовлетворённости или при реальных трудностях) возвращается к более ранним догенитальным оккупациям (*регрессия*).

Во время изучения сексуальных функций мы пришли к первой, предварительной идее, говоря точнее к двум гипотезам, которые оказались необычно важными в области сексуальности:

Нормальные и анормальные явления, наблюдаемые нами, то есть феноменологию, можно описать с точки зрения динамики и экономики (в нашем случае, с учётом количественного распределения либидо)

Истоки изучаемых нами расстройств следует искать в истории развития индивидуума, то есть в раннем детстве.

Четвёртая глава. Психические качества

Мы описали строение психического аппарата и энергии (силы), задействованные в нём, показав на одном из заслуживающих внимания примеров то, каким образом эти энергии, главным образом либидо, интегрируются в единую физиологическую функцию, служащую сохранению рода. Нет ничего такого, что могло бы свидетельствовать об уникальном характере Психического, конечно, если игнорировать тот эмпирический факт, что этот аппарат и эти энергии лежат в основе функций, которые мы называем нашей психической жизнью. Мы обратимся к самому характерному для Психического.

Началом наших исследований послужит ни с чем не сравнимый факт наличия сознания, ускользающий от любых попыток объяснения и описания. Когда говорят о сознании, то каждый на основании своего самого непосредственного опыта знает, что именно подразумевается под сознанием⁷. И в самой науке, и за её пределами, многие считают, что сознание как раз и есть Психическое, и что психологии ничего другого не остаётся, как выделять психические феномены в области восприятия, эмоций, мыслительных процессов и волевых актов. Однако сознательные процессы по всеобщему признанию не образуют законченной целостности, в которой отсутствовали бы пробелы. Потому-то ничего другого и не оставалось, как допустить для Психического существование дополнительного ряда физических или соматических сопровождающих явлений, которым приписывается гораздо большая полнота и завершённость по сравнению с психической составляющей, так как некоторые из соматических процессов сопровождаются параллельными сознательными явлениями, а некоторые – нет. Так что в психологии обнаруживается особый интерес к соматическим процессам, в которых собственно и признаётся истинно Психическое, а для сознательных процессов подыскивают другие обоснования. А некоторые учёные, в том числе и большинство философов, считают бессознательное Психическое абсурдом.

И как раз оно-то и является тем, чем занимается психоанализ – так мы приходим ко второй фундаментальной гипотезе. Психоанализ считает якобы мнимые сопровождающие соматические процессы за истинно Психическое, правда, при этом игнорируется задействованность сознания. И здесь психоанализ отнюдь не одинок. Некоторые мыслители, например Т. Липпс, говорили об этом нечто подобное, а общее недовольство традиционным подходом к Психическому имел своим последствием то, что понятие Бессознательного всё настойчивее проникало в психологическое мышление, хотя в столь неопределённой и непонятной форме, что никакого влияния на науку оказать не могло.

Казалось, что в этом споре между психоанализом и философией речь шла о несущественной проблеме, касающейся определения того, можно ли наделить тот или другой ряд феноменов названием «Психическое». В действительности же это был шаг необычайной важности. Если в психологии сознания никогда невозможно выйти далее узкой территории, ограниченной и зависящей от других закономерностей, то наш подход, придерживающийся идеи, что Психическое само по себе бессознательно, позволяет превратить психологию в естественную науку. Процессы, которыми занимается психология, столь же непознаваемы, как и процессы других наук, например физические или химические процессы. Становится возможным находить законы, которым подчиняются психические процессы, выявлять (не оставляя тёмных пятен) их взаимоотношения, то есть всё то, что отличает научный подход к соответствующей области естественных явлений. При этом невозможно обойтись без создания новых гипотез и новых понятий, они отнюдь не будут свидетельством нашего замешательства, а способствуют

⁷ Одно из экстремальных направлений — возникший в Америке бихевиоризм — верит в возможность построения научной психологии, обходя столь важный факт как сознание!

науке, притязая на ту же ценность, что и другие интеллектуальные конструкции в естественных науках, готовые к постоянным изменениям, исправлениям, уточнениям в результате накапливающегося опыта. Тогда оправдываются все наши ожидания, а именно, будут созданы основные понятия новой науки, её принципы (влечение, психическая энергия и т. д.), долгое время остававшиеся не чёткими, как и во всех родившихся ранее науках (энергия, масса, притяжение).

Все науки основаны на наблюдении и экспериментах, причём в них задействован наш психический аппарат. Но так как психология имеет своим объектом сам этот аппарат, то здесь завершается аналогия с естественными науками. Мы осуществляем наблюдения посредством аппарата восприятия, а именно выявляя белые пятна, обнаруживающиеся в Психическом, когда приходится Упущенное восполнять напрашивающимися гипотезами, переводя неизвестное в осознанный материал. Таким образом, одновременно мы выявляем дополняющие сознательные звенья тому, что происходит в бессознательном Психическом. На обоснованности делаемых нами выводов базируется надёжность нашей психической науки. Тот, кто углубится в нашу деятельность, обнаружит, что психоаналитическая техника выдерживает любую критику.

Во время такой работы сами собой выявляются различия в психических качествах. То, что мы называем сознательным, вряд ли нуждается в более точной характеристике, это именно то, что традиционно под ним понимается, в том числе и философами. Всё остальное Психическое является Бессознательным. Мы довольно рано обнаружили важные различия в Бессознательном. Некоторые процессы легко осознаются, а потом исчезают, и опять без особых усилий осознаются, как говорят, могут воспроизводиться (припоминаться). Только не стоит забывать, что сознание вообще является необычайно мимолётным состоянием. То, что осознаётся, существует лишь один миг. Правда, складывается впечатление, что наше восприятие опровергает это, но это только кажущееся противоречие и связано оно с тем, что стимулы восприятия могут сохраняться длительное время, так что мы тут имеем дело с повторяющимся восприятием. Гораздо чётче мимолётность восприятия обнаруживается при сознательном отслеживании хода наших мыслей, на которых мы хотя и можем сконцентрироваться, тем не менее, они могут столь же успешно мгновенно исчезнуть. Бессознательное, ведущее себя подобным образом, легко сменяющееся сознательным состоянием, мы поэтому называем способным осознаваться или *предсознательным*. Опыт учит, что каким бы сложным ни было психическое явление, оно хотя бы иногда оказывается предсознательным, свободно проникая в сознание.

Другой психический материал и процессы не столь легко осознаются, а должны выявляться, разгадываться и переводиться на язык сознания. Для них мы резервируем название «Бессознательное». Таким образом, мы описали психические процессы с тремя качествами, а именно сознательными, предсознательными и бессознательными. Различие между тремя классами психического материала не абсолютное и не постоянное. То, что было предсознательным, может, как мы видели, безо всяких наших усилий осознаваться. Для осознания же истинного Бессознательного приходится затрачивать усилия, причём мы можем ощущать, что частенько для этого приходится преодолевать очень сильное сопротивление. Если подобного рода опыт мы проделываем с другим индивидуумом, то мы не должны забывать, что сознательное заполнение провалов в его восприятии, конструкции, которые мы ему даём, ещё не означает, что предоставленный нами бессознательный материал сможет быть им осознан. Такого рода бессознательный материал существует у пациента, прежде всего в двоякой зафиксированной форме: 1) в совершаемой им сознательной реконструкции, а кроме того, 2) в первоначальном бессознательном состоянии. Посредством наших непрекращающихся усилий пациенту чаще всего удаётся осознать своё бессознательное, причём устраняются оба типа фиксаций. Степень наших усилий, необходимых для преодоления сопротивления осознанию, в разных случаях будет отличаться. То, что оценивается в психоаналитическом лечении в качестве показателя успеха нашей работы, может происходить спонтанно, когда прежний бессознательный

материал превращается в предсознательный, а затем осознаётся (такое частенько происходит у людей, находящихся в психотических состояниях). Отсюда мы делаем вывод, что сохранение определённого внутреннего сопротивления является одним из показателей нормы. Ослабление сопротивления постоянно происходит в состоянии сна, когда бессознательный материал вырывается на волю, что, собственно, и приводит к образованию сновидений. И наоборот, предсознательный материал по временам может становиться недоступным, блокируясь сопротивлениями, например при временном забывании (выпадении из памяти), или когда предсознательная мысль на время оказывается в бессознательном состоянии, позволяя появиться остроумной шутке. Мы ещё увидим, что такие попятные метаморфозы предсознательного материала (или процессов) в бессознательное состояние играют большую роль в провоцировании невротических расстройств.

Из-за чрезмерного обобщения и упрощения может сложиться впечатление, что учение о трёх качествах Психического скорее является источником непреодолимой путаницы, чем попыткой всё прояснить. Но не стоит забывать, что учение о трёх качествах Психического является не теорией, а попыткой создать предварительный отчёт о фактах наших наблюдений, потому-то мы как можно ближе держались фактов, не пытаясь их объяснить. Сложности, которые тут обнаруживаются, позволяют понять трудности, с которыми приходится сражаться, проводя наши исследования. Возможно, это учение будет более понятным, если учитывать взаимоотношения, обнаруживающиеся между психическими качествами и областями (инстанциями) психического аппарата. Хотя и тогда всё не так просто.

Осознание, прежде всего, связано с восприятием того, что воздействует на наши органы чувств во внешнем мире. С позиции топографического подхода мы встречаемся с феноменом, который размещается в корковом слое Я. Конечно, сознание получает информацию также от внутренностей тела. Такие ощущения оказывают на нашу психическую жизнь даже большее воздействие, чем внешнее восприятие, а в определённых обстоятельствах органы восприятия кроме своей специфической функции восприятия пробуждают эмоции, боль. Но так как такие ощущения, отличающиеся от осознанного восприятия, исходят также от внутренних органов, которые можно рассматривать как отростки коркового слоя, то мы только подтверждаем выше-приведённое утверждение. Не следует забывать, что ощущения и эмоции, спровоцированные телом, могут заместить внешний мир.

Сознательные процессы протекают на периферии Я, а все другие процессы в Я оказываются бессознательными – такова простейшая схема рассматриваемых процессов. Так, собственно, и происходит у животных, у человека всё осложняется: внутренние процессы в Я также могут осознаваться. Имеется в виду деятельность речевой функции, напрочь связывающей материал Я с воспоминаниями, сохранившимися от визуального, но прежде всего слухового, восприятия. После возникновения речи воспринимающая периферия коркового слоя в гораздо большем объёме активизируется изнутри, начинают осознаваться внутренние психические процессы типа представлений и мышления. Так что становится необходимой особая операция, способная дифференцировать внутренний и внешний мир, так называемая *проверка на реалистичность*. Приравнивание восприятия реальности (внешнему миру) доказывает свою несостоятельность. Ошибки и иллюзии восприятия, которые теперь легко допустить, совершенно закономерны для сновидений (феномен, схожий с *галлюцинациями*).

Внутренний мир сферы Я, охватывающий, прежде всего мыслительные процессы, наделён качеством предсознательности. Такое вообще характерно для Я, да и встречается только в Я. Но было бы неверным привязанность к воспоминаниям, характерную для речи, считать условием предсознательного состояния, так как она оказывается во многом независимой, хотя и позволяет делать надёжные выводы о природе предсознательных процессов. Предсознательное состояние, отличающееся с одной стороны доступом к сознанию, а с другой стороны связью с речью, является чем-то Особенным, природа чего не исчерпывается двумя указанными

характеристиками. Доказательством этого является то, что за большими частями Я, прежде всего в Сверх-Я, нельзя не признать характер Предсознательного, и, тем не менее, в феноменологическом смысле мы чаще всего встречаемся здесь с бессознательным. Мы не знаем, почему именно так обстоят дела. Мы ещё только попытаемся приблизиться к проблеме истинной природы Предсознательного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.